

Всероссийское
Общественно-
политическое
движение
«Духовное наследие»

Издается с 1992 г.

Научно-издательский
совет ВОПД «Духовное
наследие»

ПОДБЕРЕЗКИН А.И.

(председатель),

Большов А.П.

Бугай Н.Ф.

Воротников В.П.

Григорьев В.П.

Губенко Н.Н.

Еременко И.Н.

Зоркальцев В.И.

Зюганов Г.А.

Кожемякин В.Н.

Коровников А.В.

Котилевский М.Д.

Краснов В.Н.

Лебедев Ю.В.

Луньков А.Г.

Майоров Д.А.

Новиков Ю.Д.

Пешков В.П.

Подберезкин И.И.

Репкин Ю.М.

Тарасов В.М.

Трошкин Н.Н.

Финько О.А.

Штоль В.В.

Янин И.Т.

Редакционная коллегия

Колонка редактора

Общественное мнение:

- Общероссийский опрос “Электоральные предпочтения россиян за 6 месяцев до выборов в Государственную Думу”

Информация в номер:

- III Петербургский экономический форум
- Из почты «Духовного наследия»

Наши интервью:

- Интервью с заместителем председателя Государственной думы М.З.Юрьевым

Внутренняя политика

- Российская государственность: современный опыт и перспективы реформирования. Я.Андреев
- Региональные особенности формирования гражданского общества (на примере Москвы). А.Крутов
- О теории и практике ненасильственных социальных революций. А.Гурьянов
- Перед лицом будущего: партии глазами избирателей. В.Пешков
- Как вернуть доверие народа к государству? В.Тыщенко

Внешняя политика

- Российско-испанские отношения. Эксперты МИД
- Геополитические перспективы России по З.Бжезинскому. А.Кузнецов
- Саудовская Аравия: страна экономических чудес. А.Осинов

Военно-политические проблемы

- Цель и задачи военной реформы России. П.Белов
- О совершенствовании структуры государственного регулирования в области вооружения и разоружения. В.Ваниян

Экономика

- Российская экономика до конца века будет находиться в подвешенном состоянии. Б.Замараев
- Как нам советуют разрушить собственную экономику. В.Штоль
- Экономические перспективы регионов России. М.Голубицкая

История

- Русское государство: испытание Смутой. В.Волков

ШТОЛЬ В.В.
(главный редактор)
Бугай Н.Ф.
Ведута Е.Н.
Еременко И.Н.
(исполнительный
директор)
Майоров Д.А.
Мичунович В.
Новиков Ю.Д.
Пляйс Я.А.
Чеботарева В.Г.
Янин И.Т.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО “РАУ-Университет”

- Несостоявшееся светопреставление. А.Авдеев
- Служба военных сообщений в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.) И.Мартыненко

Духовное наследие

- Кто виноват? Э.Наумов
- Проблемы провинции или вести с мемт. В.Минеев
- «Посеянное в тернии». А.Подберезкин (продолжение)

Представляем команду ВОПД «Духовное наследие»

- И.Костин. Предпринимательство с думой о России.
- В.Селяков. Новые технологии в России.
- К.Кулешова. Женщины России.

Оригинал-макет подготовлен редакцией информационно-аналитического журнала
“ОБОЗРЕВАТЕЛЬ - OBSERVER”.
Адаптирован для WEB службой поддержки.

О Владыко!
 Умножися беззаконие на земли. Пощади нас!
 Преподобный Кирилл Белозерский (?), 1459 г.

Несостоявшееся светопреставление

А.Авдеев

Рубеж II и III тысячелетий ознаменовался небывалым кризисом в нашем Отечестве, и выхода из него даже в ближайшей перспективе не видно.

Как всегда в таких ситуациях, в Россию устремились толпы пророков, которые наперебой пытаются уверить нас в том, что обещанный конец света уже не за горами. Тут и почтенный Секо Асахара, и пламенная Мария Цвигун, и загадочный Мун... И несть им числа и тлена. И каждому точно известно наступление дня и часа, когда разверзнутся небеса и грянет архангельский глас. А главное — у каждого уже подготовлен рецепт спасения. Дело за малым — нужно только поверить очередному «спасителю», поддержав его материально.

Но на это есть свои основания. Дело даже не в кризисе, в который оказалось ввергнутым наше Отечество. Как правило, ожидания Страшного Суда всегда усиливаются на рубеже веков и тысячелетий — когда многим кажется, что эта граница должна разделить не столько «век минувший» с «веком грядущим», сколько подвести черту под историю человечества. А страх перед неопределенным будущим — ведь чаще всего конец столетия ознаменовывался мощными кризисами — еще более усиливает уверенность в недалеком конце света.

Действительно — подобная ситуация возникает в нашем Отечестве не впервые. Пожалуй, с особым нетерпением Страшный Суд ожидали в конце XIV—XV вв. И 1492 г. оказывается важнейшим годом для понимания всех происходивших — и до, и после него — событий на Руси. Современники и Дмитрия Донского, и Ивана III вполне серьезно ожидали в этот год обещанный Спасителем конец света и Страшный Суд.

Но, вспомнив величайшие события той эпохи, — Куликовскую битву, завершение объединения Руси и стояние на Угре, — вправе задаться вопросом «а почему?» Разгадка этой ситуации, совершенно не-объяснимой на фоне державных стремлений московских князей, находит объяснение в психологии человека Средневековья. Точкой, которая определила его мироощущение, является 1492 г. В то время на Руси была иная система летоисчисления, «от Сотворения Мира», которая отличалась от современной — «от Рождества Христова» — на 5508 лет, и, прибавив его к 1492 г., мы получаем, что в тот год, 7000-й от «Сотворения Мира» заканчивалось одно тысячелетие и наступало другое. Все думы и мысли людей были прикованы к этому роковому часу. Многие на рубеже тысячелетий ожидали светопреставления и в уже свершившихся событиях искали исполнения указанных Христом признаков наступления конца света. Это событие казалось столь неотвратимым и потому, что действовавшая на Руси Пасхалия — список дней празднования Пасхи — была доведена только до 7000 г.

И это ожидание красной нитью шло через весь XV в. **«А лета и времена и дни кончаются, а Страшный Суд готовится»**, — говорилось в одном из памятников книжности той эпохи. И, словно вторя ему, глава Русской Церкви — митрополит Фотий (ум. 1431 г.) поучал паству: **«Сей век маловременный»**.

И чтобы понять людей той эпохи, обратимся к самой читаемой — и почитаемой — на Руси книге — Евангелиям. 24-я глава Евангелия от Матфея дает признаки «свершения времен», над которыми в XV в. не раз задумывались наши предки.

«И будут глады, моры и землетрясения по местам: все же это начало болезней» (ст. 7—8).

Эпоху ожидания апокалипсиса начала эпидемия чумы — «Черной смерти». Самая страшная из всех эпидемий, опустошив громадные пространства от Китая до Аравии, в конце 1347 г. проникла в Сицилию и Южную Италию.

В 1348 г. она охватила Италию, Францию и Южную Германию, через год появилась в Англии, в 1350 г. добралась до Скандинавии. Население Европы сократилось на треть. В 1352 г. «Черная смерть» добралась до Новгорода и

охватила русские земли, унося за собой миллионы жизней. Псков, Киев, Чернигов, Смоленск, Суздаль, — всюду смерть собирала обильную жатву. Чума внезапно оборвала «тишину велику», установившуюся в правление Ивана Калиты, когда в течение сорока лет, по словам летописца, **«перестали поганые воевать Русскую землю и истреблять христиан»**. В 1353 г. на Москве чума не обошла княжеских и митрополичьих палат. Великий князь Симеон Гордый, его сыновья Иван и Симеон, брат Андрей, митрополит Феогност были сведены в могилу. Но если моровое поветрие скосило московскую элиту, то что же сказать о простых крестьянах, самой многочисленной жертве эпидемии? На середину XIV в. приходится выявленное археологами массовое запустение поселений в Московском крае. Некоторым из них не суждено было возродиться, подобно многим селам и деревням Англии и Франции, исчезнувшим во время этой же эпидемии.

Казалось, сама природа свидетельствовала об исполнении времен. XV в. ознаменовался резкими колебаниями климата. Около 1300 г. в Европе начался малый ледниковый период — период похолодания, длившийся до середины прошлого века. В XV в. русские летописи зафиксировали более 150 экстремальных природных явлений — гораздо больше, чем в предыдущее столетие. Великие дожди и великая сушь, необычайно холодные зимы и ранние весны с сильными паводками способствовали частым неурожаям и, как следствие, голодным морам. В целом на XV в. приходится более 40 голодных лет, из них 15 — особенно тяжелых. Частые эпидемии не раз и не дважды опустошали русские земли.

Знамениями будущих бедствий смотрелись и необычайные природные явления. В Москве дважды — с небольшим промежутком — в 1471 и 1474 гг. происходили землетрясения. Последнее разрушило недостроенный Успенский собор в Кремле — главный храм Русского государства. И вполне понятно, что это явление, уникальное для наших мест, также было воспринято как знамение конца. Вспоминалось пророчество Христа о Иерусалимском храме: **«Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне, все будет разрушено»** (Матф. 24:2).

Накануне приезда невесты великого князя Ивана III, племянницы последнего византийского императора Софьи Палеолог, в декабре 1471 г. **«явися на небе звезда велика, а луч от нее долог весьма, толст, светел, светлее звезды, а входила в 6 часу ночи... а луч от нее вперед тянулся, а конец луча как хвост великой птицы распростерся»**.

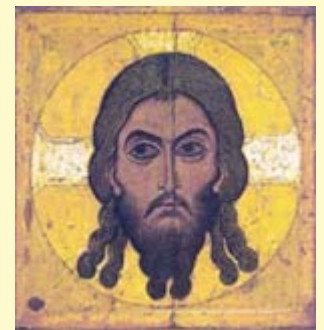
Спустя короткое время, в январе 1472 г., явилась «другая звезда хвостата, хвост же ее тонок... а первые звезды туча темнее...». Во все века в Древней Руси явления комет считались грозным знаменем грядущих бедствий, поджидающих страну. Явления комет всегда предшествовали великим потрясениям в нашем Отечестве: Смуте конца XVI—XVII вв., Петровским реформам, нашествию Бонапарта, Первой мировой войне и распаду СССР.

«...Многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят» (ст. 5).

В 1437 г. в г. Флоренция состоялся собор, где была провозглашена уния (объединение) православной и католической церквей: объединившись с Западом, дряхлая Византия пыталась остановить натиск турок. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор подписался под решениями собора, но, как только он провозгласил под сводами Благовещенского собора Кремля — домовою великокняжеской церкви — многолетие Римскому папе, как он был сразу же лишен сана и заточен в Чудов монастырь, откуда совершил дерзкий побег. Унию Православия с «латинской ересью» Русь не приняла, посчитав это богомерзким делом, но сам факт попытки прельщения христиан Христовым именем утверждал мысль о наступлении последних времен.

«...Услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть... Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство...» (ст. 6—7).

В первую очередь об этом говорила распря потомков Дмитрия Донского — война великого князя Московского Василия Темного с князем Галичским и Звенигородским Юрием Дмитриевичем и его потомками, в которую Русь оказалась ввергнутой на добрую четверть века. Война 1425—1450 гг., поводом для которой стало нарушение традиционного порядка престолонаследия, разделила русские княжества на два враждебных лагеря. Это затяжное кровопролитное противоборство, сопровождавшееся невиданными ранее политическими преступлениями, действительно свидетельствовало, что народ восстал на народ, а царство на царство.

*Спас Нерукотворный,
XII век*

Второе событие, которое способствовало укреплению мысли о скором конце света, — падения в 1453 г. под ударами неверных второго Рима — Константинополя, мирового центра Православия и гибель при его штурме императора Константина XI Палеолога. В этом люди увидели исполнение давнего пророчества: «Константином создан, Константином же и окончится». На Руси это событие было воспринято как кара за отпадение от истинной веры и уступку латинству. Москва, столица единственного независимого православного государства, таким образом, становилась духовной преемницей Константинополя — «третьим Римом», защитницей и хранительницей Православия накануне Страшного Суда.

На рубеже XIV—XV вв. и сама Русь испытала мощные набеги иноверцев. В 1395 г. полчища Тимура сокрушили

Золотую Орду, вторглись в Рязанское княжество и дошли до Ельца. От поругания Москву спасло лишь чудо. После того как из Владимира в столицу была перенесена главная святыня Руси — чудотворная икона Божией Матери Владимирской, войска «Железного Хромца» неожиданно ударились в бегство. Но в 1408 г. хан Едигей, собравший из осколков Золотую Орду, разорил почти все русские княжества и едва не взял Москву.

«Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (ст. 24).

Накануне ожидаемого конца света, как часто бывает, обострились духовные конфликты. Во второй половине XIV в. среди новгородских «простецов»-мирян зародилась ересь стригольников (так называли еще не рукоположенных священников, имевших особую стрижку на макушке), которая захватила Тверь и Ростов и постепенно дошла до Москвы. Ее сторонники критиковали духовенство за любовь к мирским богатствам, проповедуя возврат ко временам первых апостолов, добровольную бедность и праведную жизнь. С трудом подавленная, стригольническая ересь возродилась в Новгороде через сто лет. Тогда ее сторонников именовали жидовствующими — считалось, что ее основоположником был «литовский жидовин» Схария или Захария. Новая ересь опять широко расплозлась по Руси. Новые еретики отрицали и важнейшие догматы христианской церкви — в последующие времена жидовскою бранью называли богохульство, такой же непростительный грех, как и матерная ругань. Ересь охватила широкие слои русского общества — от простых крестьян до людей из великокняжеского окружения. Естественно, что ожиданием конца времен была пронизана и культурная жизнь Руси.

Кто-то искал спасения от грядущих бед в монастырях. По всей Руси — в том числе и в Москве — вырастают новые обители. В XV в. завершается начатая митрополитом Алексием и преподобным Сергием Радонежским реформа монастырской жизни: главным в русских обителях становится общежительный устав. Мрачные предчувствия не покидали русских святителей. В библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась рукопись XV в., в которой, как полагают, самим преподобным Кириллом Белозерским была сделана запись: **«Зде страх, зде скръзь, зде беда велика: в распятии Христове сий круг бысть, и се лето на конци явися, в немже чаем всемирное Твое пришествие»**. А на северо-восточной окраине Руси, в далеком Галиче в мае 1460 г. преподобный Паисий поучал братию, собравшуюся перед смертным одром учителя: **«Ведите убо, о братия моя возлюбленная, яко близ есть день Господень великий и просвещенный, и день жития нашего преклонился есть к вечеру... А донележе в житии сем имате пребывати, выну в молитвах и трудах, во бдениих и пощениих себе упражняйте, между же себе любовь имейте, превозношение же и гордыню далече от себе отжените; вместо же того смирение Христово воспримите и всегда себе мертвы быти вменяйте миру и ничтоже от мирских помышляйте, но выну желание имейте, како угодити Богови»**.

«Последние лета», «последний век», «последний род» — вот тема, которая постоянно присутствовала в памятниках книжности, возникших после победы на Куликовом поле. Крупнейший русский писатель конца XIV — начала XV в. Епифаний Премудрый, автор Жития преподобного Сергия Радонежского, ожидал наступления конца света в марте 1492 г. 1 марта на Руси, считал он, начинался новый год, в марте был сотворен Адам, иудеи вышли из египетского плена, деве Марии была принесена Благая Весть. В марте был распят Христос. Русские летописцы, напротив, ожидали наступления Страшного Суда между 12 июля 1492 г. и 27 января 1493 г., то есть от Петрова дня до недели о мытаре и фарисее, на которой заканчивался пасхальный цикл 7000 г.

В это время на Руси появилась созданная в Болгарии или Сербии вторая редакция Жития св. Василия Нового. Только в этой редакции видение Страшного Суда, открывшееся сподвижнику св. Василия Григорию, оказывается наиболее подробным — и имеющим прямо-таки зловещий окрас. **«И обратился Господь к стоящим справа от Него и сказал им: «Приидите, благословенные Отцом Моим, наследуйте уготованное вам Царство Небесное от сложения мира...» И вновь воззрел Господь на грешников слева от Себя и с яростью сказал им: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его...»**. Они же, слышав горький ответ, плакали, но не было милующего их. И бросили их во огненное море клокочущее». Это описание, в свою очередь, повлияло и на фресковые росписи того времени.

Ожиданием Страшного Суда было исполнено творчество величайшего иконописца Руси преподобного Андрея Рублева (ум. 27 января 1430 г.), вся жизнь которого была связана с Москвой. Однако он изображал не ужасы и не мучения грешников, которыми сопровождалась гибель мира. Страшный Суд в понимании Андрея Рублева был праздником воздаяния за праведную жизнь. Единственное, что требовалось для спасения, — это вера. В 1408 г. эти идеи иконописец отразил на фреске «Страшный Суд» в Успенском соборе Владимира. Андрею Рублеву и Феофану Греку принадлежит идея иконостаса, впервые осуществленная в Благовещенском соборе Московского Кремля. Многоярусная стена икон, скрывавшая святая святых храма — алтарь — от глаз верующих, становилась собственно русским вкладом в богословскую мысль. В иконостасе символически отображалось прошлое, настоящее и будущее человечества — от грехопадения прародителей до Страшного Суда. Главным чином иконостаса, разработка которого принадлежит Андрею Рублеву и Феофану Греку, является Деисусный (от греческого деисис — моление). В его центре — образ Спаса в Силах — восседающего на троне Христа, Который в окружении Сил Небесных сошел на землю для Страшного Суда. Но Он — не только грозный Судья, но и Спаситель. Правая рука Христа поднята в благословении, в левой — раскрытое Евангелие. Впервые на иконах кисти Андрея Рублева и мастеров его круга Евангелие в руках Иисуса Христа оказывается открытым на фразе: **«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы: возмите иго Мое на себе и**

научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим: ибо бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11:28—30). Слева от Спаса — образ последнего человека Ветхого Завета — Иоанна Предтечи, а справа — Богоматери, первого человека Завета Нового. В немой молитве и надежде они простирают к Спасителю руки, умоляя Его быть милосердным во время Суда. Именно кисти Андрея Рублева принадлежит исполненный милосердия образ Спаса из Звенигородского чина.

Ожидания, как и следовало, не оправдались. Ведь, по учению Церкви, люди, вычислявшие дату конца света, неизбежно впадали в грех — ибо в бытность на земле Христос предупреждал, что **«о дни же том и часе никтоже весть»**. После 1492 г. в соответствии с церковными догматами Страшный Суд стал представляться делом далекого, неопределенного будущего.

Накануне 1492 г. глава Русской Церкви митрополит Зосима составил пасхалию — список дат празднования Пасхи — на новое тысячелетие, будучи твердо уверенным, что в 1492 г. мир не погибнет. По его мнению, в восьмом тысячелетии начнется новая эпоха мировой истории, связанная с именем Москвы и утверждением ее в качестве центра христианского мира. Подобно тому, как император Константин создал Рим — Царьград, — считал глава Русской Церкви, — так новый Константин — Иван III — положил начало «новому Константинограду — Москве». И если многие благочестивые царства за множество грехов попущением Божиим были отданы туркам, **«наша же Российская земля Божией милостию и молитвами Пречистой Богородицы и всех святых чудотворцев растет и молодеет и возвышается. Дай ей, Христе милостивый, расти и молодеть и шириться до скончания века»**.

В соответствии с новой Пасхалией на Руси стали по-новому считать время — не с 1 марта, как прежде, а с 1 сентября. Изменился порядок богослужения в Русской Церкви. Принятый до этого Студийский устав, делавший главный упор на скором наступлении Страшного Суда, постепенно сменялся Иерусалимским, в котором вспоминалась история спасения человечества.

В 1504 г. на Москве были казнены еретики. Когда в 1492 г. конец света не наступил, их споры с церковью еще более обострились. Первоначально Иван III пытался держаться в стороне от них, но в конце концов события заставили его принять твердое решение — он приговорил виновных к сожжению в железной клетке — так, как поступала с еретиками испанская инквизиция.

Главным духовным итогом эпохи явилось преодоление ожидания Страшного Суда. В Москве появились первые белокаменные надгробия с надписями — неопределенность сроков будущего исполнения времен заставляла заботиться о более долговечных способах сохранения памяти об умерших. До этого надписи на надгробиях не делались.

Заботиться приходилось не только о мирском — в оставшееся время, согласно евангельским притчам, надлежало бодрствовать душой. И застройка твердыни Третьего Рима — Кремля — в конце XIV—XV вв. отражала тревоги, страх и надежды людей накануне второго пришествия Спасителя.

Материальным символом выхода из мировоззренческого кризиса стала парадная Фроловская (с 1658 г. Спасская) башня Кремля, сооружение которой завершилось 1 марта 1492 г. — в день ожидаемого светопреставления. Через нее проходил парадный въезд в Кремль. О первостепенной важности этой башни свидетельствовали надписи, вырезанные на белокаменных плитах. Со стороны Красной площади надпись на латинском языке сообщала о времени закладки башни: *«Ioannes Vasili(i) Dei Gratia magnus dux Volodimeriae, Moscoviae, Novogardiei, Tiferiae, Plescoviae, Veticiae, Ongariae, Permie, Buolgariae et alia(rum) totiusoq(ue) Raxiae d(omi)nus an(n)o 30 imperii suae has turres co(n)dere f(ecit) et statuit Petrus Antonius Solarius Mediolanensis an(n)o N(ativitatus) D(omi)ni 1491 K(alendis) M(artiis) i(m)pr(osuit)»*. С внутренней же стороны эта же надпись была сделана на русском языке. Она гласила: **«В лето 6999 уулиа Божиею милостию сделана быст сиа стрелница повелением Иоанна Васильевича государя и самодържца всея Русии и великого князя Володимерьского и Московского и Новгородского и Псковского и Тверьского и Югорского и Вятского и Пермьского и Болгарского и иных в 30-е лето государьства его, а делал Петр Антоние от града Медиолана»**.

Как тут не вспомнить мысль митрополита Зосимы о том, что седьмое тысячелетие от Сотворения Мира вплоть до Страшного Суда делается эпохой торжества Москвы — мирового центра Православия! И надпись на Спасской башне показывала всему просвещенному человечеству — а в те времена латинский язык был языком международного общения — что наступающее тысячелетие будет эпохой владычества «третьего Рима» — Москвы — над всем христианским миром.

Впрочем, и формирование государственной символики Руси также пришлось на время ожидания конца света. Ведь всадник, поражающий копьём дракона, впервые появившийся на велико-княжеской печати в 1497 г., первоначально воспринимался отнюдь не как св. Георгий Победоносец. Это был символ великого князя, который пронзал копьём змея-антихриста. Такая символика сохранялась и позднее — вплоть до конца XVII в. Лишь во времена Петра Великого всадника с копьём стали воспринимать как изображение св. Георгия Победоносца, что законодательно было закреплено при Екатерине II в качестве герба Москвы.

Таким образом, выход из мировоззренческого кризиса был найден в обращении к корням национальной культуры и

ее основе — Православию. Лишь осмысление, умножение и развитие духовного наследия помогло выйти из духовного тупика, и начало XVI в. совпало с новым взлетом интеллектуального творчества, достигшим пика к середине столетия.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]